

Вырезка из газеты

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Чита

16 ОКТ 1979

Из истории театров Забайкалья

...После революции 1905 года

ПОСЛЕ поражения первой русской революции, в начавшийся период реакции возникает искусство декаданса с его культом индивидуализма, эстетизма, отстранением от социальных мотивов. Оно, это упадочное искусство, распространилось и на область театра и драматургии, развитие которых отличалось своей противоречивостью и сложностью. В драматургии и театре тех лет запечатлелись упадочнические настроения некоторой части интеллигенции, страх перед будущим, стремление уйти в мир мистических вымыслов, отказ от идеи борьбы. Репертуар заполнила обывательская, натуралистическая и символистская драматургия.

Театральная жизнь Забайкалья в этом смысле не отличалась от театральной жизни центральной России. Все игравшие в Чите, Нерчинске и Сретенске драматически труппы ставили пьесы модных в те годы драматургов Л. Н. Андреева, В. А. Рышкова, М. П. Арцыбашева и близких к ним авторов. Пестрела их именами и афиша труппы Е. М. Долина и А. А. Кравченко, начавшая 25 сентября 1907 г. сезон в Общедоступном театре. В ее состав входили артистки Горина, Зиновьева, Карташева, Княжевич, Михайлова, Свободина, Сокольская, Федорова, Шван, артисты Звездич, Инсаров, Касторовский, Колесов, Панов, Рамазанов, Янов и другие. Труппа показала драму Леонида Андреева «Жизнь человека», рисующую безотрадную жизнь интеллигента-обывателя. В основе драмы Ю. Жулаевского «Эрос и Психея» лежала идея о примиряющем и возрождающем мир чувстве любви, ее аллегоризм был чужд реалистическому искусству сибирских артистов, однако В. В. Рамазанов, избравший пьесу для своего бенефиса, был хорош в роли Эроса. Эротические мотивы, так увлекавшие обывательскую

публику, пронизывали «пикантный фарс» «Амур и К», избранный Н. В. Шван для своих «артистических именин».

Вообще бенефисы были распространенным явлением в дореволюционном театре. Пьесы для них чаще всего выбирались с расчетом на кассовый успех, как, например, в двух приведенных выше случаях. Однако некоторые артисты пользовались правом бенефицианта, чтобы пропагандировать классическую драматургию. Так, артист А. М. Заездич остановил свое внимание на первой пьесе драматической трилогии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» (вторую пьесу — «Царь Федор Иоаннович» — Долин поставил в помещении цирка).

Такие пьесы, как «Склеп» В. Рышкова, «Туннель» Ф. Филиппи, «Черные вороны» В. Протопопова, отталкивали широкую публику от театра. Сборы начали падать, антреприза понесла убытки, прекратила спектакли, не сумев уплатить всем рабочим.

Глазные силы труппы во главе с В. В. Рамазановым перешли в Общественное собрание. Здесь играли артисты Измайлова, Лавровская, Светланская, Волгин, Соколов и другие, уже знакомые по труппе Долина — Кравченко. Новый коллектив решил помочь своим товарищам в «лопнувшей» антрепризе и поставил в их пользу спектакль «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского. Однако Рамазанов заставил рабочих разнотипные билеты по домам богачей, которые неохотно откликнулись на призыв о помощи, и спектакль принес небольшую сумму сбора. Несмотря на то, что новая труппа начала дела довольно успешно (были поставлены «Гамлет» В. Шекспира, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Семья преступника» П. Джиакометти в переводе А. Н. Островского), 26 января ей пришлось прекратить свое суще-

ствование. Артисты создали товарищество, выбрав его руководителями Корнелия и Кастровского, а режиссером — Колесова. Но и это товарищество тоже едва дотянуло до окончания сезона.

Гораздо лучше шли дела у С. А. Светловой в Семейном саду. Ее труппа сыграла «Короля» С. Юшкевича, что являлось большой смелостью, так как эта пьеса была запрещена для постановки. «Вся пьеса проникнута духом нетерпимости к капиталистам с оправданием освободительного движения среди рабочих, выражающегося в предъявлении рабочими своих требований, в проведении забастовок и, наконец, в поджогах», — писал о «Короле» царский цензор («Первая русская революция и театр», стр. 335). Понятно, что такое произведение привлекло внимание читинцев, хотя для привлечения иного рода публики Светловой приходилось ставить скабрёзные и пошлые фарсы.

Кроме драматических трупп, были в Чите в этот период и музыкальные коллективы. Но для полноценного воспроизведения опер и оперетт нужны были соответствующие силы, а их за Байкалом почти не имелось. Поэтому выступления оперных товариществ часто сопровождались ироническими отзывами печати. Некое «кооперативное оперное товарищество» гастролеровало в Чите летом 1907 г. Оно показало спектакли «Лакмэ» Л. Делиба, «Риголетто» и «Травиата» Дж. Верди, «Кармен» Ж. Бизе, «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, «Демон» А. Г. Рубинштейна. Репертуар серьезный, но дело велось «из рук вон плохо». Обставляются оперы небрежно — тут и итальянцы-воины выходят в смазных сапогах, и на балу у Лариной гости в испанских костюмах. Артисты не считают нужным даже загримироваться. В «Евгении Онегине» певица в партии старушки Лариной была

моложе своих дочерей лет на десять. И несмотря на все дефекты, публика все-таки идет. Благословенный край!».

Да, концерты и музыкальные спектакли в Забайкалье любили. Но дело обстояло не так уж хорошо. Об этом писал театральный администратор, актер и режиссер А. С. Любош, совершивший в 1907 г. поездку к Тихому океану. Если в канун русско-японской войны Дальний Восток являлся «золотым дном» для организаторов театрального дела, то после нее он никакого интереса в этом отношении не представляет, — таково наблюдение Любоша. Страшным врагом театров он назвал шантаны, всегда битком набитые. Зная их популярность, антрепренеры вставляли в спектакли номера из шантанов, и публика была довольна. Особым успехом пользовались пошлые фарсы, типа «Радий в чужой постели», «Ну-ка, покажите, что у вас есть» и им подобные. Хотя сценических площадок насчитывалось достаточное количество, но специально построенных под театр зданий имелось очень мало. Чита получила зимний театр после перестройки цирка. В Нерчинске проезжавшие на восток и возвращавшиеся «в Россию» труппы изредка играли в Общественном собрании. Зато в маленьком Сретенске хозяину гостиницы принадлежали два театральных здания: двухъярусное зимнее и летнее (в саду). «Сам владелец, судя по его словам, слабо понимает, зачем он их выстроил. Город маленький, проходной (с магистральной Иркутск — Владивосток, на Амур и обратно), и все приезжие труппы прогорали», — отмечал Любош («Театр и искусство», 1908, № 1, стр. 12).

В таком состоянии находились театры Забайкалья после окончания русско-японской войны и поражения революции 1905 года.

А. ИВАНОВ,
искусствовед.